

ДРАМАТУРГИЯ БОРЬБЫ

25/535 N 118
В. БЛЮМ

ЗА ДЕСЯТОК лет своего творческого пути Билль-Белоцерковский стяжал себе репутацию подлинно пролетарского драматурга. Правительство присвоило В. Н. Биллю-Белоцерковскому звание заслуженного деятеля искусств.

Биллю, имевшему большой и полноценный революционно-политический опыт, не было надобности «изучать» революционную действительность: он носил ее в себе самом, он сам был революционная действительность. Не как «наблюдатель» — хотя бы и восторженный — он пришел в драматургию, а как участник революции. И не бытописание революции стало в центре его творчества, а человек революции — как он в новой социально-политической обстановке чувствует, борется, колеблется, поступает, любит, ненавидит, радуется и печалится...

Несчастьем нашей схематической драматургии о вещах и отношениях (не о людях) стала идея противопоставления «положительных» и «отрицательных» персонажей. Между тем мировая драматургия должна была бы убедить, что сцена не выносит ни «положительных», ни «отрицательных» персонажей. Что король Лир — «положительный» что ли тип? А милейший Хлестаков — неужто это «отрицательный» персонаж? Отрицательна хлестаковщина, положительно самоутверждение поправленного человеческого достоинства у шекспировского старца,

но сами эти типы и характеры эмоционально ни положительны, ни отрицательны: их пафос и существо — в какой-то другой плоскости.

Хотя и овеянный авторской и зрительской лаской, братишкamatрос из «Шторма» и «Штиля» (как и все его варианты-воплощения в других пьесах Билля) никак не может быть занесен «на красную доску» положительных типов: на положительный тип зритель приглашается равнять свое поведение, а братишка то и дело садится в лужу или вполне по заслугам терпит поражение!.. Но с другой стороны, разве это «отрицательный», отталкивающий персонаж?

За немногочисленными исключениями галерея образов Билля-Белоцерковского составила из живых фигур. Они ему хорошо знакомы — такими он и рисует их черты, думая только о них, а не об абстракциях, схемах, прописях... Поучительность, агитационность? О, это все «само» придет — откуда-то совсем с другой стороны, но зато безмерно более крепкое, эмоциональное, впечатляющее! В творчестве Билля моменты игровой и «прикладной», художественный и политический, стихийный и организующе-поучительный даны в органической слитности, — ну, вот все равно, как вверх вметнувшийся фонтан нефти несет в себе керосин, бензин, асфальт, масло для консервов, нафталин, бром и йод и десятки других полезных и благодетельных веществ...

Истоки этого «фонтана» залегают где-то в глубочайших извилинах сознания нашего драматурга — там, где оно органически сливается с сознанием его класса, его эпохи и ее глубочайших сдвигов. Отсюда — как особенность творчества Билля — одна проникающая все его творчество сквозная «большая идея». На ряду с умением поставить в драме живое лицо это тоже признак подлинности и «художественности» творчества.

Обычно центральным персонажем

пьес Билля-Белоцерковского, которому отданы все лучшие симпатии автора, считают «братишку-матроса» из «Шторма»; предчека Ковалев («Луна слева»), замдиректора Богданов («Запад нервничает»), лишенный на три года права занимать ответственные посты Никитин («Жизнь зовет»), — все это тот же обаятельный, несколько излишне стихийный «братишка». В общем это правильно, но это еще не вся истина о «братишке».

Мы как-то мало оценивали тот факт, что многообразие своих перевоплощений «братишка» выбивается из рамок бытовой драматургии и что совокупность всех вариантов «братишки» как типа создает уже... характер. Сейчас, после «Жизнь зовет» — такой скупой на события и факты, — это совершенно очевидно. Ведь даже в «Шторме», где его дело совсем уж маленькое, фигура братишки дана в какой-то знаме-

В. Н. Билль-Белоцерковский.

нительной динамике — в противопоставлении и «дискуссии» с анонимным (да и «братишка» — аноним!) председателем уюма. Это — основной центральный идейный стержень пьесы, ее непрерывающаяся только тогда, когда становится ясным, что «одолеет» председатель уюма. Эта именно динамика и является определяющей во всей драматургии Билля-Белоцерковского — противопоставление, конфликт, борьба и поражение «братишки», какой бы очередной пост он ни занимал в данной пьесе...

Такова «большая идея» творчества нашего драматурга. Она заключается в столкновении организованности и стихийности.

В плоскости «характера» это значит, что дело идет о перековке неорганизованного человека в организованного. Последний с'езд колхозников-ударников дал огромной красоты картину торжества этой идеи в совершенно потрясающих масштабах... Вот с чем переключается творчество Билля-Белоцерковского, вот его живые истоки, вот какой волной выплеснутой на театральные подмостки его образы!

Внятность, сила и убедительность образов нашего драматурга пришли откуда же, поскольку для него эти образы не «литература», не итог «сума холодных наблюдений и сердца горестных замет», а его собственный жизненный опыт, который он как революционер-мыслитель расценивал в свете движущей «большой идеи». Все это написано, как красиво раньше выразились, «кровью сердца и соком нервов», а это, как известно, чернила совершенно специфической яркости, стойкости и доходчивости... Более того: звучащая в постановке и развертывания «большой идеи» какая-то субъективная страстность и настоятельность покоряют, заражают и волнуют непосредственностью, искренностью, как своего рода «крик души»...

Это духовное сродство центрального образа с автором (в «Шторме»

доходящее почти до тождества) на протяжении всего творчества Билля-Белоцерковского отлагается в сознании зрителя тоже как процесс — не как «статика». Сравните получившееся отношение автора к братишке в «Шторме» с умудренно-нисходительным и «педагогическим» отношением к тому же характеру в «Жизнь зовет» (Никитин) — какой огромный путь проделан за это время лично В. Н. Белоцерковским и драматургом Виллем! Правда, в его драматургическом багаже есть пьеса, в которой по части основной «большой идеи» концы не сведены с концами и где наперекор объективному ходу начертанных событий «братишка» как будто все же торжествует. Это — «Штиль», который явно задуман был сначала как полемика против нэпа и лишь в процессе работы над ним «переходил в собственную противоположность» — по мере углубленного изучения автором революционного момента на собственном же материале.

Драматургию Билля-Белоцерковского надо режиссерски проревизовать.

Пора «открепиться» творчеству нашего юбиляра от одного единственного театра, хотя бы это был и добротный революционный театр МОСПС. Не случайно, конечно, именно этот театр «разглядел» и оценил Билля-Белоцерковского, и тем хуже для других наших ведущих театров, запоздавших с его «признанием». Но театр для драматурга — это своего рода лаборатория. И чем больше у драматурга будет таких лабораторий, чем они будут разнообразнее, тем полезнее для развертывания всех сторон его таланта. В этом отношении живой, находящийся в полном цвету талантливый советский драматург Билль-Белоцерковский не исключение.